

УДК 801'73

ИНТЕРВЬЮ-ЛОВУШКА

Ольга Евгеньевна Фролова**д. филол. н., заведующий лабораторией фонетики и речевой коммуникации****Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова**

119991, Москва, Ленинские горы, 1-й гум. к. olga_frolova@list.ru

В статье рассматриваются различные тактики интервьюеров, которые нацелены на намеренную дискредитацию приглашенного гостя. Интервьюеры создают образ гостя и принуждают его согласиться с ним. Столкновение представлений о работе журналиста, интервьюеров и приглашенного гостя приводят к конфликту. Интервью объединяет приемы манипуляции и провокации со стороны интервьюеров. Рассмотрены приемы аттракторы, цель которых – создать коммуникативную ситуацию, благоприятную для гостя, и дестабилизаторы, нацеленные на выведения собеседника из состояния равновесия.

Ключевые слова: интервью, манипуляция, провокация, агрессия, насилие.

В жанре интервью манипуляция возможна с обеих сторон: интервьюер стремится получить ответы даже на вопросы, которые неприятны адресату, адресат в свою очередь уклоняется от вопросов, которые показывают его и его поступки в неприглядном свете. Сама же манипуляция может быть связана с искажением денотативной ситуации, а намерение говорящего заключается в том, чтобы побудить адресата к определенным действиям и изменить его картину мира [Доценко 1997; Иссерс 2015; Копнина 2007; Левин 1998; Паршин: электр. ресурс].

Мы намереваемся рассмотреть интервью, которое демонстрирует особое соединение приемов манипуляции и провокации. Материал – программа А. Смирновой и Т. Толстой «Школа злословия» с участием журналиста Л. Парфенова [Школа злословия [снята с эфира] Леонид Парфенов: электр. ресурс].

Согласно толковому словарю, *манипуляция* – «4. Способ, приём действия и т. п., служащие для достижения каких-л. целей путём представления кого, чего-л. в искажённом виде» [БТС 2002: 519]. Для психологов манипуляция – «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997: 58]. Лингвистический аспект манипуляции можно понимать как осуществление такого воздействия с помощью речи. Значение слова *провокация* – «2. Предательское поведение, подстрекательство кого-л. к действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия» [БТС 2002: 1002]. Лингвистическое

определение речевой провокации – «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на (1) получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо (2) дестабилизацию его эмоционального состояния» [Иссерс 2015: 149]. Манипуляция и провокация сближаются в том, что адресат, подвергаясь определенному воздействию, совершает действия, «не совпадающие с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997: 58], манипулятор добивается поставленной цели тайно, а провокатор же, действуя открыто, своими поступками и поведением, стремится вывести адресата из состояния психологического равновесия.

Программа «Школа злословия» – передача в жанре парного интервью сценаристики и режиссера Авдотьи Смирновой и писательницы Татьяны Толстой – выходила на каналах «Культура» и НТВ в течение двенадцати лет со 2 октября 2002 по 6 июля 2014 г. Был подготовлен 431 выпуск, в эфир вышло 417 [Школа злословия: электр. ресурс]. Среди шести приглашенных гостей, с чьим участием передачи в эфир не вышли, был и Леонид Парфенов.

Видеофайл с записью передачи размещен на хостинге YouTube, длительность видео 1 ч. 18 мин. 32 сек. Он был нами расшифрован и проанализирован. Объем полученного текста составил 65 200 знаков.

Композиция передачи такова: 1) два интервьюера в гримерной, готовясь к передаче, обсуждают план интервью, образ гостя, который у них уже сложился; 2) интервью с гостем в студии;

3) чаепитие интервьюеров за столом уже без гостя и подведение итогов. Первую часть можно назвать презумпцией, вторую – полилогом, третью – заключением. Специфика передачи заключалась в том, что приглашенный гость в ходе интервью на протяжении некоторого времени оставался в неведении, какой его образ был намечен ведущими в преамбульной части, и придерживался кооперативного, неконфликтного коммуникативного режима. Он также не мог участвовать в подведении итогов интервью.

Образ гостя, обсуждаемый А. Смирновой и Т. Толстой в презумпции, таков:

(1) АС. *Тема. Я Вам говорю, что тема вот это вот паническая боязнь выглядит пошлым и вульгарным.*

АС. *Да. Потерять совершенство. Да? Совершенство оно всегда бесстрастно. Вот в чем дело. Да? Потому что все человеческие страсти, они в сущности вульгарны. С точки зрения вкуса.*

АС. *Что диктат вкуса. Вкус это на самом деле прекрасно. Да. Но вкус же абсолютно ничего не рождает. Вкус же он, что, он оценивает. Он позиционирует.*

АС. *Нет, я не предлагаю говорить просто про вкус. А я предлагаю говорить про некую эстетическую трусость. <...>*

АС. *Чего он боится? Вот, чего он боится. Понимаете. Потому что там за всей вот этой надмирной победоносной бесстрастностью... Ведь бесстрастность, она ведь всегда прикрывает как бы страхи и так далее... Тот, кто не боится быть городским сумасшедшим, да, тот выпустил эти страхи наружу. А человек, который всегда безупречен и совершенен, в нем же все это там, под спудом. Вот, что там под спудом? Чего он боится? Почему он так боится выглядеть безвкусным? Или нафосным? Чего страшно-го-то? Ну, нафосный.*

ТТ. *Потому что, если ты весь уходишь в стиль, то это делается за счет смысла.*

АС. *Что иерархии нет. Но дело в том, что культура – это и есть иерархия.*

ТТ. *Да, конечно.*

АС. *С этой точки зрения, все, что он делает, – глубоко антикультурно.*

Образ, который ведущие предлагают зрителю: журналист, страдающий зависимостью от чужого мнения, поэтому он боится выглядеть пошлым, его ориентация на хороший вкус показывает в нем недостаток творческого начала. Негативная оценка творчества Л. Парфенова уже сформирована и предъявлена зрителю.

При этом ведущие употребляют в речи лексику, не проясняя, что они имеют в виду. Достаточно обратиться к толковому словарю. Вкус – «4. Способность человека к эстетическому вос-

приятию и оценке; развитое чувство прекрасного. || обычно мн.: вкусы, -ов. Эстетические представления, бытующие у какого-л. народа в какое-л. время. 5. Склонность, интерес, пристрастие к чему-л.» [БТС 2002: 135]. Перед нами многозначное существительное. Из приведенных выше фрагментов не вполне ясно, ведущие подразумевают уникальную эстетическую способность индивида, сложившуюся в процессе образования и воспитания – четвертое значение, или сформировавшиеся на протяжении какого-то исторического времени представления народа – оттенок данного значения. Между тем различия здесь существенны, поскольку носителем признака, описанного в основном значении, является один человек, а признака, отраженного в оттенке значения, – довольно большое количество людей, образующее некую общность. Индивидуальный вкус может вступать в противоречие со сложившимися представлениями той или иной социальной страты, а также вызывать раздражение у коллективного носителя вкуса, поскольку, с точки зрения коллектива, индивидуальный вкус может восприниматься как безвкусица.

В основной части передачи – интервью-полилоге, – с нашей точки зрения, ведущие прибегают к манипулятивным и провокационным тактикам. Можно выделить два типа приемов: аттракторы, цель которых расположить к себе собеседника, и дестабилизаторы, которые, напротив, направлены на то, чтобы добиться контроля над собеседником.

К аттракторам мы относим: 1) самоуничтожение, 2) демонстрацию заинтересованности в работе и личности интервьюируемого, 3) демонстрацию расположения к гостю, 4) высокую оценку профессиональной деятельности гостя.

(2) АС. *А вот объясните, пожалуйста, дело в том, что как-то вот, я не знаю, я вот совершенно спокойно себя чувствую в икуре или роли дуры непрофессиональной, да? Вы замечательно профессионально объясняете какие-то вещи.*

(3) АС. *Я смотрела все «Намедни». <...> Я Ваш преданный зритель. Многолетний.*

В примере (2) А. Смирнова противопоставляет себя как непрофессионала профессиональному журналисту Л. Парфенову. Более того, интервьюер называет себя *дурой*. В примере (3) она признается в том, что пристально следит за работой гостя.

Список дестабилизаторов обширнее, часть из них манипулятивна, другая провокативна. К манипулятивным дестабилизаторам можно отнести 1) вторжение в личную сферу адресата, 2) эксплуатация чувства страха и вины, 3) грубость и 4) передразнивание; к провокативным – вызывание на откровенность.

Интервьюеры вначале предъявляют претензии профессионального плана, основанные на особенностях композиции передач Парфенова.

- (4) ТТ. *Создается ощущение такого вот лоскутного одеяла, да? <...> Они бывают декоративные, бывают смысловые. <...> Так вот у меня было ощущение от этих Ваших программ, которые я смотрела с большим удовольствием, скорее лоскутное, нежели смысловое, потому что...*

АС. *Декоративное.*

ТТ. *Да. Скорее декоративное, нежели смысловое. Потому что именно количество этих лоскутов, они как бы приглушали относительную значимость чего бы то ни было и отодвигали это на задний план.*

В примере (4) А. Смирнова возвращается к заявленному еще в преамбуле тезису об иерархичности культуры. Этот же тезис разрабатывается и в дальнейшем.

- (5) АС. *А Вам важнее «что» или «как»?*

ЛП. *Да это, все это соединенное. Это какие-то вопросы это про формалистов начала века.*

АС. *Мы просто из Вашего интервью. В одном интервью Вы говорите: «Мне важнее “как”, чем “что”».*

ЛП. *Еще раз повторяю. Интервью даешь, наблюдаешь там что-то, там час, из этого готовится там 12 минут. В результате вещи, которые были там периферийными, тут оказываются.*

ТТ. *А завизировать? А сказать: «Я этого не говорил»?*

ЛП. *Да нет, я говорил, говорил.*

Пример (5) продолжает и развивает заявленный в преамбуле тезис о том, что, *если ты весь уходишь в стиль, то это делается за счет смысла* (см. пример (1)), т. е. интервьюеры подводят к тому, что построение передачи и монтаж фрагментов важнее ее содержания. Предъявляя Л. Парфенову противоречия между его высказываниями, ведущие вынуждают его оправдываться.

В качестве примера вторжения в личную сферу можно привести отрывок из интервью, в котором А. Смирнова и Т. Толстая предлагают Л. Парфенову отправить на оценку фокус-группы его жену, чтобы узнать, как ее оценивают посторонние люди. Такой поворот разговор принял после того, как Л. Парфенов заявил, что список интересных зрителю тем выясняется на основании анализа общественного мнения в фокус-группах.

- (6) АС. *Если можно мы будем думать и все этим Ваши фокус-группы, это все. Вы жену любите, наверно, правда ведь? Вот отправьте ее на фокус-группу, посмотрите, что там скажут про нее.*

ЛП. *Я не понимаю.*

ТТ. *С каким материалом вернется жена после фокус-группы. Дрянь. Фигура ни к черту. Морда, значит, могла бы быть моложе. Вообще, как она разговаривает. Вы пустите жену в фокус-группу. Почему идею можно пустить на фокус-группу?*

ЛП. *Слушайте, я...*

ТТ. *При том, что у нас есть свое мнение без всякой фокус-группы.*

Как грубость мы интерпретируем пример (7).

- (7) ЛП. *Послушайте. Вот откуда я никогда не могу.*

ТТ. *От верблюда.*

А. Смирнова также обращается к приему передразнивания (см. примеры (8), (9)).

- (8) АС. *Он так спрашивает (изменив произношение – с придыханием) в чем задача? Вашей программы?*

- (9) АС. *Это постмодернистки. Когда это надо говорить. Это я поняла. Я сейчас буду делать, как Парфенов. Я буду говорить так (с пафосом): «Любовь». (Смеется). Потому что нормальный человек не может сказать таких... (с пафосом) «Смерть». Или там (с пафосом) «Правда». Или так еще лучшие (с пафосом) «Ложь». Вот так. Вот все эти слова надо произносить только так, да? Потому что иначе будет не cool. А будет отстой.*

Пример (9) отличается изменением тона и тембра голоса. А. Смирнова прямо указывает на то, что будет имитировать манеру Л. Парфенова. На лексическом уровне стиль передач журналиста ведущая характеризует терминами *постмодернистки* и *cool*.

Несогласие с избранным гостем подходом к его работе интервьюеры выразили эксплицитно при помощи глагола *врать*. Данный фрагмент мы интерпретируем как обвинение.

- (10) АС. *Хорошо. Лёнь. А вот для Вас для самого? Мы же на самом деле хотим разобраться. Мы прекрасно понимаем, что зритель разный, что Вам нужно захватить как можно больше. Аудитории. Это все понятно. А вот для Вас для самого. Вот Вы говорите, что вот вся важно. Все может быть одинаково важно. Одному хорошо то, другому это. Во многих интервью Вы говорите, что раз не услышана моя позиция, значит, я хорошо выполнил свою работу. А вот все-таки, очень интересно, Вы-то сами про всё про это вот что думаете? Вы-то там где? Понимаете? У Вас есть безусловно, у Вас есть. <...>*

ЛП. *Я работаю журналистом. Есть общее.*

ТТ. *Врёте-врёт-врёт. В чем Ваша художественная воля? В чем она? В чем? Она есть? В чем? Вот она. За живое! Взяли.*

В примере (10) А. Смирнова и Т. Толстая обсуждают возможность или невозможность выра-

жения оценки журналистом тех событий, которые показаны или описаны в его материале. С точки зрения ведущих, без авторской оценки журналистский текст невозможен, Парфенов же считает, что журналист такой оценки должен избегать. Несогласие с гостем Толстая выражает достаточно резко. Однако и здесь диалог развивается на пространстве семантической диффузности. Словарь так объясняет значение глагола *врать*: «1. (св. соврать, наврать). (что). **Говорить неправду; сочинять небылицы; лгать, обманывать.** 2. (св. соврать и наврать). (что). Фальшивить, ошибаться (в пении, музыке и т.п.). 3. Неверно показывать, быть неточным (о приборах, таблицах и т.п.)» [БТС 2002: 158]. Как явствует из толкования, глагол в первом значении описывает как произведенные с умыслом высказывания, не соответствующие действительности, так и высказывания, цель которых развлечь адресата. Реплика А. Толстой допускает как первое, так и второе прочтение.

Манипулятивный прием эксплуатации страха адресата можно наблюдать в примере (11).

(11) ЛП. *«Это правда» или «это неправда». Вы мне с такой легкостью сказали, что вот.*

ТТ. *Вы боитесь считать что-то правдой. Боитесь ошибиться. Вот он вышел и сказал: «Это правда». И тут же в кустах «Хе-хе-хе-хе!». Захихикали все. «Ошибся, ошибся!». Вы боитесь этой ошибки? Вот я не боюсь.*

АС. *Он боится быть смешным. Это очевидно. Он больше всего на свете боится быть смешным.*

ТТ. *А мы не боимся.*

ЛП. *Я журналист. Я (делает гримасу) не Фемиде... Мое дело предоставить информацию.*

Предметом страха ведущие считают боязнь ошибки, осмеяния и правды. Пример (11) вновь коррелирует с преамбулой – «панической боязнью выглядеть пошлым и вульгарным». Интервьюеры пять раз повторяют глагол *бояться*, прибегая к приему усиления и в то же время противопоставляя себя гостю. Во втором повторе употреблены глагол *ошибиться* и существительное *ошибка*.

Апелляция к чувству вины гостя построена у интервьюеров на передачах Л. Парфенова, с момента выхода которых в эфир прошло более трех лет.

(12) АС. *Нет, дело в том, что, понимаете, я-то задаю Вам вопрос, не потому что, у меня есть конкретная к Вам претензия. Я глубоко убеждена, что проект реставрации начался с программы «Старых песен о главном». Понимаете? Это мое глубочайшее убеждение.*

ЛП. Нууу. Нууу.

АС. *Потому что... Да-да. Вот не надо. Ну давайте.*

ЛП. *В газете написали: «Это песенное обеспечение победы коммунистического большинства на выборах в Государственную Думу».*

АС. *А Вы знаете, а в общем...*

ТТ. *Хотя звучит, конечно...*

АС. *Я в общем с этим идиотизмом согласна.*

ЛП. *Позолота коммунистического прошлого. Это стиль. В понятии сталинской архитектуры нет ни слова о нрзб.*

АС. *А вот это неправда! Я тоже эти претензии много раз читала. И читала Ваши ответы. Я прошу прощения. Советские песни. Одну минутку. Вы взяли маленький кусочек лирики, собрали его, показали так, что это вот были те прекрасные песни, которые у нас пели. Куда Вы дели «Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди»? <...> Лёня. Вот теперь я буду делать, как... Понимаете. Ну это же, ну неправда (со стоном). Ну телевидение. Это же пропаганда. И Вы работаете в сфере пропаганды, а не только в сфере информирования.*

А. Смирнова имеет в виду музыкальную новогоднюю передачу на канале ОРТ «Старые песни о главном», которая выходила четыре года (в ночь с 31 декабря 1995 г. на 1 января 1996 г., с 31 декабря 1996 г. на 1 января 1997 г., с 31 декабря 1997 г. на 1 января 1998 г. и с 31 декабря 2000 г. на 1 января 2001 г.) [Старые песни о главном: электр. ресурс; Старые песни о главном 2: электр. ресурс; Старые песни о главном 3: электр. ресурс; Старые песни о главном. Постскрипtum: электр. ресурс]. Выпуск «Школы злословия» с участием Л. Парфенова записывался, когда по инициативе президента В.В. Путина 25 декабря 2000 г. был издан конституционный закон ФКЗ № 3 [Федеральный конституционный закон...: электр. ресурс], в котором был возвращен гимн России на музыку А.В. Александрова с текстом С.В. Михалкова.

А. Смирнова возражает Л. Парфенову, дважды прибегая к существительному *неправда*, интерпретируя формат новогодней программы как программы пропагандистской.

Чередование аттракторов и дестабилизаторов имеет манипулятивную природу. Аттракторы поддерживают в адресате уверенность, что коммуникация проходит в кооперативном русле, а дестабилизаторы рассчитаны на эффект неожиданности, когда «защитные механизмы» не сработают.

Наиболее ярким примером провокативного приема ведущих является вызов на откровенность. А. Смирнова и Т. Толстая не просто пытаются выяснить, какое впечатление на гостя произвела их программа, но провоцируют его на то, чтобы он назвал ее слабые стороны. Л. Парфенов уклоняется от прямого ответа, говоря, что он работает в другом жанре, после чего Л. Смирнова задает ему вопрос, зачем он участвует в передаче «Школа злословия», которая ему

не близка. Так, вызывая на откровенность по поводу собственной передачи, ведущие переходят на личности, предлагая собственную интерпретацию причин, побудивших Л. Парфенова в такой передаче участвовать.

(13) ТТ. *А Вы видели нашу программу? Она Вам нравится? Вам нравится наша программа? Или неа?*

ЛП. Понимаете. Я не телезритель. Тут есть одна проблема. Я тут пытаюсь как-то.

ТТ. *Да я Вас тоже не смотрю.*

ТТ и АС. (Смеются).

ТТ. Обменялись.

ЛП. Нет. Я не в этом дело. Я в смысле, что мне трудно дать оценку как зрителю.

АС. Дайте как **профессионал**. Мне очень интересно нрзб.

ЛП. Ну она для меня не ритмична. Она для меня слишком такая, спокойная. И она все-таки на очень определенную категорию, что называется, на любителя. <...>

АС. *А к нам зачем пришли?*

ЛП. Вы позвали.

АС. *Но Вы же могли отказаться.*

ТТ. Сказали бы: «Да ну Вас вообще».

ЛП. Ну, я не отказался.

АС. *А почему? А зачем? Вам не интересно?*

ЛП. Задачи нету такой.

ЛП. Я пришел, потому что мне.

ТТ. *Делать нечего и пришел. В 8 утра. Съёмки. Думает: дай, зайду.*

ЛП. Я как-то... В телепрограммах интервью я вообще не помню. Лет там 5–6 последних я не давал интервью. Мне показалось так. Пустая. Нрзб.

АС. Пустая что?

ЛП. Люди почтенные.

АС. Ага.

ТТ. *Откуда Вы знаете, что мы почтенные? Вы нас не смотрите.*

ЛП. Почему? Кто Вам сказал? Я сказал, что я не телезритель, потому что мне трудно зрительно оценивать. Вы спросили, как я отношусь к Вашей передаче.

Несмотря на отсутствие прямого ответа, ведущие делают вывод о том, что их программа Л. Парфенову не нравится. Причины участия журналиста Т. Толстая прямо не называет, но намекает на заинтересованность Л. Парфенова (*Делать нечего и пришел. В 8 утра. Съёмки. Думает: дай, зайду*), что можно интерпретировать либо как стремление к популярности, либо как тщеславие.

На протяжении программы Л. Парфенов придерживается неконфликтного стиля общения, в частности и потому, что интервью происходит в пространстве семантической диффузности, которое можно интерпретировать как искажение смысла [Гловинская 1998]. Единицами, значение которых участники интервью понимают неодно-

наково, являются уже рассмотренные выше *вкус* и *врать*, а также *правда* и *позиция*.

(14) ТТ. *Нет, Вы почувствуете? Потому что Вы должны знать **правду**, а не делать вид, что ее нету. У Вас должна быть личная своя правда.*

ЛП. Она и есть. Из многих вещей состоит. **Правда**, она не сводится к одному. <...>

ТТ. Минуточку. Минуточку. **Вы мне запрещаете иметь мнение?** Он запрещает мне мнение иметь...

ЛП. Нет, пожалуйста. Только не говорите, что это **правда**. Вы говорите: по-моему.

ТТ. Это моя **правда**! <...>

ЛП. Вы говорите: «Моя **правда**».

ТТ. Совершенно верно. И дунина **правда**.

ЛП. Правда вообще.

ТТ. И дунина **правда**. <...> Ваша какая **правда**? Мы Вас спрашиваем. А Вы говорите: «Ее нет». Фу! Она либо такая, либо такая. Но какая-то у Вас есть правда?

ЛП. В суровых категориях **правда**. <...>

АС. А этих категорий... Они как бы не работают? В современном мире. Их просто...

ЛП. Есть.

АС. Отменили.

ЛП. Гулаг – это **правда**. И цикл Аркадия Островского «А у нас во дворе» – это тоже **правда**.

АС. Угу.

ЛП. Это тоже **правда**.

АС. Нет, а почему. Почему Вы?

ЛП. Не сводится к одной **правде**. Он такая многообразная штука. Увы, не получится вот так сказать (ударил рукой по столу): «Вот это вот завязали тесемочки, отложили дело». И оно пусть там пылится.

Согласно словарю, *правда* — «1. То, что соответствует действительности; истина. || Реалистическое изображение жизненных явлений в художественном произведении, на сцене и т. п. 2. То, что исполнено истины; правдивость || Разг. **Правота**. 3. Справедливость, порядок, основанный на справедливости [БТС 2002: 951–952].

В примере 14 ведущие и журналист, употребляя в речи одно и то же слово *правда*, имеют в виду нетождественные значения. Неслучайна реплика Т. Толстой о том, что запрещают иметь мнение, поскольку данное существительное возникает в контексте рассуждений о правде. Для А. Смирновой и Т. Толстой *правда* – это мнение, точка зрения, или правота, поэтому они употребляют в речи атрибутивные словосочетания *моя правда*, *дунина правда*, для Л. Парфенова же *правда* – это факт, ‘то, что имело место в действительности’, а также ‘соответствие высказывания действительности’ (ТТ. <...> **Вы должны знать правду, а не делать вид, что ее нету. У Вас должна быть личная своя правда.** – ЛП.

Она и есть. Из многих вещей состоит. Правда, она не сводится к одному).

В продолжение дискуссии о передаче «Старые песни о главном» Толстая в одной реплике употребляет существительное *правда* в разных значениях: в предложении *вы должны знать правду* имеются в виду факты, а далее словосочетание *своя правда* уже относится к субъективной интерпретации и оценке факта — т.е., в этом контексте *правда* означает ‘мнение’.

Подобное семантически размытое употребление демонстрирует в речи ведущих и слово *позиция*.

(15) АС. *Понимаете, в том-то и дело. Как раз Парфенов старается, чтобы все было в некоей, в некоем разнообразии сюжетов и в некоей единой эстетике. И он же там в одном из интервью говорит, что мне неважно, что, мне важно как. Что я рассказывать могу про что угодно, мне важно, как про это рассказывать.*

ТТ. *А мне важно, что.*

АС. *Так о том речь, понимаете. О том речь. Это и есть **позиция** такая, в общем, снобистская.*

ТТ. *Снобистская, конечно.*

АС. *Хорошо. Лёнь. А вот для Вас для самого? Мы же на самом деле хотим разобраться. Мы прекрасно понимаем, что зритель разный, что Вам нужно захватить как можно больше. Аудитории. Это все понятно. А вот для Вас для самого. Вот Вы говорите, что вот вся важно. Всё может быть одинаково важно. Одному хорошо то, другому это. Во многих интервью Вы говорите, что **раз не услышана моя позиция, значит, я хорошо выполнил свою работу**. А вот все-таки, очень интересно, Вы-то сами про всё про это вот что думаете? Вы-то там где? Понимаете? У Вас есть, безусловно, у Вас есть.*

ЛП. *Это очевидно. Да. Но неочевидно, что нельзя в телепрограмме, претендующей на то, чтобы оставаться всё-таки в информационном формате, вот это вот там говорить. Это задача. Это публицистика. Да, понимаете. Это вот. Вот Витя Шендерович. Ну это другой формат. Была хорошая или плохая. Это выносить за скобки. Это другой формат. **Это своя позиция**. Своё там прямое ерничанье. **Оценки** и так далее. Наше дело — **показать объективно**, это выглядит вот так, а уж Вы как к этому отнесетесь...*

АС. *Нрзб. Я понимаю, что **позиция**, я не знаю, глянца, гламура, называйте как угодно, или **позиция** Вашего инфотейнмента, да? Она профессиональна, чрезвычайно, так сказать выигрышна. Правильно говорить о том, что «вот продукт, вот тут я не самовыражением занимаюсь, я тут дело делаю, мы, значит, обслуживаем население, мы — сервис, и так далее, и тому подобное».*

Вновь обратимся к словарю. *Позиция* — «1. Положение, расположение кого, чего-л. || *Спорт*. Положение тела, поза при каких-л. упражнениях, движениях, основные положения рук и ног || *Муз*. Определённое положение рук, пальцев при игре на струнных музыкальных инструментах. 2. Место расположения войск в бою. || *обычно мн.*; позиции, -ий. Район военных действий. 3. **Точка зрения, принципы, положенные в основу поведения, действий кого, чего-л.** 4. Расположение фигур в какой-л. момент игры (в шахматы, в шашки)» [БТС 2002: 891]. Уже анализ толкования показывает, что третье значение неоднородно, в нем объединены а) субъективное понимание действительности — мнение и б) некоторые моральные или этические правила, которые индивид считает важными в своей жизни и на основании которых он выстраивает линию собственного поведения и оценивает свои и чужие поступки.

Первое и второе употребления существительного *снобистская позиция* и *своя позиция* допускают два толкования: а) ‘точка зрения, мнение, оценка’; б) ‘жизненные принципы’, Л. Парфенов же говорит о точке зрения, неслучайно, в его речи появляется существительное *оценка*, а также — как антитеза субъективному взгляду — словосочетание *показать объективно*.

Причина коммуникативного конфликта ведущих и гостя — в нетождественном понимании диктума и модуса. Л. Парфенов просит А. Смирнову и Т. Толстую эксплицировать маркеры субъективности высказывания, для ведущих отсутствие таких показателей привычно.

(16) ЛП. *Давайте, Вы только «по-моему» не забывайте говорить. «По-моему».*

ТТ. *Нет, нет. Это автоматически считается. Я считаю, что подложили щепочку. По-моему, не по-моему.*

ЛП. *Почему автоматически? Как это автоматически считается?*

ТТ. *Автоматически. То, что я говорю, считается, моим мнением. Автоматически то, что говорю, считается моим мнением. Поэтому все эти интеллигентские такие (делает жест руками) «по-моему», «извините».*

В реплике Т. Толстой интересно столкновение двух фраз: в первой *Это автоматически считается* субъект опущен, во второй модусная рамка *я считаю* восстановлена. К эксплицитным показателям ответственности говорящего за свое высказывание, выражаемых в рамочных и вводных конструкциях, Т. Толстая относится скорее пренебрежительно.

Попытаемся реконструировать цель интервью, достижение которой поставили перед собой ведущие: это — не получение информации и не раскрытие характера гостя, а принуждение его к за-

ранее приготовленной для него роли. Неслучайно в тексте достаточно высока частотность единиц, заданных в преамбульной части: *вкус* (29 раз), *боязнь* (13), *бояться* (2), *страх* (2). Подтверждением нашей реконструкции коммуникативного намерения ведущих может служить и финальная часть, в которой ведущие комментируют передачу: в ней вновь появляется намек на страх.

(17) ТТ. *С нами произошла удивительная история, потому что у нас в гостях эээ, в нашу лавочку с безобразным оскорбительным названием «Школа злословия» приходило около 50 человек. Они знали, на что они шли, и, конечно, первые партизаны, первые Александры Матросовы были совсем отчаянными смельчаками, потому что у них не было даже прецедента никакого, они не могли увидеть по телевизору, как строится эта программа и на что собственно идет смельчак. Им от нас глубочайший поклон и уважением. Это спорт. А спорт – это мир. (усмехается) Так что в конечном счете всё заканчивается миром. Все 50 человек, бывших у нас в гостях, выдержали стоически эти испытания. <...> Выдержали всё. Ааа. У нас произошел удивительный случай: два вице-спикера, министры, председатели разных крупных энергетических компаний – все прошли это испытание достойно. И никто из [них] не был профессионалом. Телевидения. У нас, насколько я понимаю, был один высокий профессионал телевидения – Леонид Парфёнов. И он бежал от нас.*

В примере (17) Л. Парфёнов противопоставляется другим участникам передачи, т. к. только он проявил слабость и не выдержал испытания, которым ведущие подвергали приглашенных на интервью гостей. Антитеза выражена словами и словосочетаниями, с одной стороны, *смельчак, испытание, выдержать стоически, пройти испытание достойно*, а с другой – глаголом *бежать*.

Другим подтверждением нашей реконструкции коммуникативной цели служит реакция Л. Парфёнова. Он прерывает передачу и уходит с нее.

(18) ЛП. *Это не расспросы.*
ТТ. *Вам не нравится? Метод этого расспроса?*
ЛП. *Да нет, ради Бога. Это может быть, как угодно. Я не хочу в этом принимать участие. Не хочу сотрудничать. Оговаривать себя.*
ТТ. *Я не поняла этой логики.*
АС. *Оговаривать себя. Оговаривать в каком смысле?*
ЛП. *Ну есть такое это самое. Есть такое юридическое определение подобного сорта.*
АС. *Да.*
ЛП. *Зачем я буду свидетельствовать против себя? Нет. (встает) Я прошу только, чтобы не было этой программы.*

Журналист употребляет в речи юридические термины *оговаривать себя, свидетельствовать против себя*, чем косвенно характеризует и само интервью как допрос.

Подведем итоги: проанализированное интервью построено на комбинации манипулятивных и провокационных приемов и представляет собой ловушку, поскольку ведущие не преследуют информационных целей, а стремятся дискредитировать адресата. Применяя приемы заманивания, контроля и выведения адресата из состояния психологического равновесия, ведущие пытаются добиться признания им заранее сконструированного отрицательного образа. Несовпадение провокативно-манипулятивного со стороны ведущих и кооперативного со стороны адресата стилей общения приводит к конфликту. Сам же конфликт становится возможным на почве семантической диффузности, когда для одной из сторон важны модусные семы (поэтому *правда, позиция и мнение* выступают как синонимы), а для другой – диктумные (поэтому за словом *правда* стоит факт, а также верифицируемость/неверифицируемость высказывания).

Список литературы

- БТС* – Большой толковый словарь / ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 1534 с.
- Гловинская М.Я.* Типовые механизмы искажения смысла // *Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской*. М.: Наследие, 1998. С. 14–30.
- Доценко Е.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.
- Иссерс О.С.* Дискурсивные практики нашего времени. М.: URSS, 2015. 272 с.
- Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2007. 176 с.
- Левин Ю.И.* О семиотике искажения истины // *Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика*. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 594–605.
- Паришин П.* Речевой воздействие // *Кругосвет: универсальная научно-популярная энциклопедия*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html?page=0,4 (дата обращения 05.04.2019).
- Старые песни о главном* // Википедия: свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 05.04.2019).
- Старые песни о главном 2* // Википедия: свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 05.04.2019).
- Старые песни о главном 3* // Википедия: свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 05.04.2019).
- Старые песни о главном. Постскриптум* // Википедия: свободная энциклопедия. [Элек-

тронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 05.04.2019).

Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 3-ФКЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29673 (дата обращения 05.04.2019).

Школа злословия // Википедия: свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 05.04.2019).

Школа злословия [снята с эфира] Леонид Парфёнов // Youtube.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5hgNid27dZ4&t=5s> (дата обращения 05.04.2019).

INTERVIEW-TRAP

Olga E. Frolova

Head of Phonetics and Speech Communication Laboratory
Lomonosov Moscow State University

The article discusses various tactics of interviewers who are aimed at deliberately discrediting the invited guest. Interviewers create an image of the guest and force him to agree with him. The clash of ideas about the work of a journalist who has been sourced by the interviewers, and the opinions of the invited guest about his goals lead to a conflict. The interview combines the techniques of manipulation and provocation by the interviewers. We consider the methods of attractors whose purpose is to create a communicative situation favorable for the guest, and destabilizers aimed at bringing the interlocutor out of the equilibrium.

Keywords: interview, manipulation, provocation, aggression, violence.